

Дмитрий Шемякин

МЫ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

Дмитрий Шемякин

Мы из Севастополя

«Автор»

2026

Шемякин Д.

Мы из Севастополя / Д. Шемякин — «Автор», 2026

Несколько красноармейцев, спасаясь их павшего Севастополя, попадают в 2027-й год, но не в Россию, а в Крым, который принадлежит Украине.

© Шемякин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвёртая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дмитрий Шемякин

Мы из Севастополя

Все события и персонажи вымышлены

Глава первая

Последний этап обороны Севастополя в июле 1942-го был особенно ужасен. В районе тридцать пятой береговой батареи на херсонском полуострове скопились десятки тысяч солдат, матросов, раненых, гражданских. Все, как молитву, как заклинание повторяли два слова: «придёт эскадра».

Придёт эскадра! И вывезет раненых, измотанных боями людей, терявших на берегу последнюю надежду.

– Ничего, братва, – бодрился рядовой Илья Грушин, отмахиваясь от мух и глядя на горизонт моря, – мы в сорок первом из Одессы эвакуировались, так там не то что людей – самолёты и танки вывезли. Так что не дрейфь! Нам бы продержаться ещё малёхо!

У Ильи на гимнастёрке, с белыми кругами от высохшего пота, болталась медаль «За отвагу» на выгоревшей от крымского солнца ленточке. Пилотка каким-то чудом держалась на самом затылке, а круглое лицо Грушина в нескольких местах было в засохшей грязи.

Как бы подтверждая слова Ильи, раздался раскатистый выстрел береговой батареи.

Две огромные башни с четырьмя 305 мм орудиями были исправны, но боеприпасов практически не осталось.

Друзья Грушина – пехотинец Александр Лагутин и связист Василий Куликов – были, как и большинство на берегу, измотаны боями, потеряли в общей неразберихе свои роты и теперь тоже с надеждой смотрели на зеленовато-синий горизонт. Их не забудут. Они выполнили свой долг до конца и не их вина, что враг вошел в Севастополь. Это были молодые, едва обстрелянные солдаты, сразу попавшие в горнило самых страшных дней осады города.

А кругом царили хаос и неразбериха, которые усилились, когда несколько человек, прибывавших с берега, истошно закричали:

– Бросают нас! На причале! Пришли только два тральщика и катеров десяток! Генерал Новиков штабных забирает и уходят!

Паника усилилась. Толпа рванула к недавно сооруженному из брёвен причалу, и, не смотря на предупредительный, а потом и огонь на поражение, смела заслон автоматчиков. Несколько секций причала, не выдержав веса, подломились и рухнули, превратив воду в кипящее месиво из человеческих тел. Не давая обезумевшим людям опомниться, над пристанью летали немецкие штурмовики, бомбя и поливая всё пулемётными очередями.

Катера и тральщики ушли, увозя генерала и порядка шестисот офицеров в Новороссийск, повинаясь приказу и бесчеловечным с точки зрения мирного времени законам войны, в которых офицер – намного более ценный ресурс, чем солдат, и что его нужно спасать в первую очередь.

С берега доносились проклятия. Кто-то плакали навзрыд. Молодой краснофлотец, в мятой бескозырке с надписью «Буйный», вытащил из кобуры револьвер и приставил к виску. На выстрел и ещё одного убитого никто не обратил внимания.

Лагутин и Куликов сидели, скрестив ноги и безучастно смотрели в одну точку. Но Илья, воевавший уже почти год, дал обоим бойцам по подзатыльнику.

– Васька! Шурай! Чего расселись?!

– Хана нам, – промямлил Лагутин равнодушно.

Куликов, закрывший лицо ладонями, вообще ничего не сказал. Он молча сидел, чуть раскачиваясь, будто молился.

– Я вам покажу хана! – заорал Илья. – А ну встать, едриттвоймать!! Бегом к берегу! Таскайте брёвна от пристани вон на ту отмель!

Затрещины и властный окрик несколько привели деморализованных солдат в чувство. Саша и Василий закинули за плечи винтовки и быстрым шагом пошли к развороченной при-

стани, около которой уже копошились сотни людей, вылавливая из воды доски и брёвна для сооружения плотов.

Грушин тем временем побежал к полуразрушенным сараям ремонтных мастерских. Распахнув дверь в одну из них, он спешно бросился к стеллажам и стал складывать в заплечный мешок топоры и молотки, отвёртки, после чего склонился к валяющемуся на полу ведру с гвоздями и винтами, торопливо рассовывая их по карманам. Так! Что еще надо для постройки плота? Пилы! Материал для паруса! Наверняка есть на подземных складах Тридцать пятой батареи!

Он уже собирался покинуть сарай, как в него ворвались двое солдат. Увидев, что поживиться уже нечем, один из них бесцеремонно дёрнул мешок Ильи:

– А ну отдай, не донесёшь!

Илья мгновенно отскочил, достав финку:

– Не замай! Не твоё!

Бойцы были в грязных тельняшках и без оружия, поэтому несколько отступили:

– Мы только что из-под обстрела, – строго сказал один из них, наголо бритый с огромным синяком под глазом.

– Удивил! Всем тикать надо, не только вам! – тоже сердито отозвался Илья. – Айда со мной, вместе, думаю, к утру построим какой-нибудь ковчег!

Втроём они вышли на улицу и побеждали к отмели.

– Откуда вы, братва? – на бегу крикнул Илья.

– Рядовые семьдесят девятой бригады морской пехоты, – отозвался второй боец, парень лет двадцати с покатым лбом и пронзительными голубыми глазами.

– А винтовка твоя где? – подражая Чапаеву из кино, крикнул Грушин.

– Этого добра завались, только патронов нет, – отозвался парень.

Они выбрались на отмель, где Лагутин и Куликов сложили в ряд полтора десятка брёвен и досок и, сняв с плеч винтовки, охраняли всё это богатство от мечущихся по берегу людей. Увидев Грушина, они воспрянули духом и заулыбались.

– Илья, тут мы! Вон сколько насобирали!

– Молодчаги! – отозвался Илья. – Раскладывайте их в ряд. Вот нам ещё помощь, – он показал на морских пехотинцев. – Как вас звать-то, мужики?

– Коля Свист, – пропыхтел тот, что с синяком, сразу включаясь в работу.

– Иван Шумилов, – поддержал второй морпех.

Шумилов был тоже брит наголо, измотан, но, как и Илья, не сломлен всеобщим хаосом.

Наступала короткая летняя ночь, но обстрелы побережья не прекращались. Немцы подошли почти вплотную к берегу, и тогда какой-то майор, наспех собрав всех, кто может носить оружие, предпринял контратаку.

Вид израненных людей, с белеющими в ночи бинтами и потерявших всякую надежду на спасение, был так страшен, что немцы отошли на несколько километров, оставив жилые кварталы. ББ-35 расстреливала свои последние снаряды по врагу.

Илья увидел, как Коля Свист забежал в какой-то двор и исчез в подъезде.

– Куда это он? – удивился Грушин.

– Да он сам из этих мест, – отозвался Шумилов.

Из окна пустой двухэтажки высунулся Свист, помахав рукой:

– Братва, помогай скорее!

Илья и Иван Шумилов поднялись на второй этаж и сразу всё поняли. Свист ворочал на полу тяжелый лодочный мотор.

– Дядька мой перед войной купил, да не успел поставить, вот решил проверить, на месте покупка или нет, – отзывался Свист, – помогай давай, мужики!

Найдя несколько одеял в брошенной квартире, они замотали в них двигатель и не без труда выволокли на улицу.

– Тяжелый, гад, – выдохнул Иван.

Они наскоро соорудили из нескольких досок носилки и потащили мотор к берегу.

– Вот спасение наше, – пыхтя говорил Свист на ходу, – а ты, Илюха, нас брать не хотел в свою ватагу!

Выстрелы и взрывы понемногу затихли, видимо враг отложил захват оставленных позиций на утро.

– Нужно успеть, – тяжело дыша говорил Грушин, – а то утром нам абма!

На отмели, возле горы «их» брёвен и досок, шел ещё один бой. Правда без выстрелов, но тоже очень жестокий. Трое матросов повалили и держали упирающихся Лагутина и Куликова, которые в бой не ходили и стерегли стройматериалы. Ещё четверо моряков торопясь таскали добытые с таким трудом доски и брёвна к небольшой бухте.

Грушин, бросив мотор, в два прыжка очутился у деревянной кучи. Удар в челюсть – и один матрос, выпустив доску, плюхнулся в воду. Трое остальных с руганью накинулись на Илью, но тут подоспели Иван и Николай.

После короткой потасовки доски и брёвна удалось отбить, и матросы, матерясь, ушли в другое место.

– Задохлики, – возмущался Грушин, ругая Лагутина и Куликова, – молоко зелёное, ни украсть, ни покараулить! Давайте, мужики, скорее за работу!

Все пятеро спешно принялись сооружать плот.

Внезапный оглушительный взрыв, от которого вздрогнул весь полуостров, заставил их остановиться и посмотреть на возвышавшиеся в темноте огромные башни Тридцать пятой береговой батареи.

– Взорвали, – выдохнул Свист, – чтобы фашисту не досталась...

Глава вторая

Бойцы спешно раскатывали брёвна, сколачивая их между собой длинными гвоздями. Воспользовавшись ночью, Свист и Шумилов снова сбежали в кварталы города и приволокли оттуда четыре покрышки от грузовиков.

– Еле успели, – тяжело дыша, сказал Николай, – там уже без нас работа кипит. Завтра утром тут немец будет.

Все торопливо работали, понимая, что если они не успеют, то их труд будет напрасным.

Грушин вдруг хлопнул себя по лбу.

– А бензин для движка, товарищи?!

Морпехи почесали затылки:

– Не предусмотрели.

Илья мгновенно принял решение.

– На нейтральной полосе, за кварталами видел, стоит наш подбитый БТ. Нужно сгонять. Николай, давай со мной, а вы покрышки прикручивайте к нашему кораблю. Всё! Работаем!

Силуэт танка БТ-7 высился серой глыбой в предрассветной июльской дымке. В сотне метров от него начинались позиции немцев.

– Лишь бы впредь нас кто-то не слил, – прошептал Илья.

Один бак у танка оказался пустой, но со вторым Грушину и Николаю повезло. Они, достав заранее припасенный шланг, наполнили два ведра, большую помятую канистру и, сгибаясь от тяжести, стараясь не расплескать топливо, засеменили к своей постройке.

Уже светало. Весь берег по-прежнему был усыпан брошенными командованием людьми, которые в надежде спастись, сооружали плоты, несли откуда-то разломанные рыбацкие шаланды, покрышки и вообще, всё, на чём можно было уплыть с этого проклятого места, которое позже назовут «Севастопольской Голгофой»

Неуклюжий плот, поставленный на покрышки, к которому уже прикрутили мотор, уже качался на волнах, когда Илья и Николай подошли к нему.

Не успели они залить бензин в двигатель, как рядом раздался взрыв, превративший кирпичную будку в груды обломков. Один из них пролетел буквально в сантиметре от носа Грушина.

– Навались мужики, толкаем! – закричал Илья.

За первым взрывом последовали ещё и ещё. Немцы, почти вплотную подошедшие к берегу, установили миномёты и стали методично обстреливать обезумевшую толпу.

– Товарищи! Раненых заберите, – услышал Грушин совсем рядом женский крик.

Он обернулся и увидел девушку, суetyающуюся около двух бойцов, лежащих на носилках около разбитого грузовика. У одного из солдат были перебиты ноги, а у голова второго была замотана окровавленными бинтами почти до самого носа.

– Что, мужики, троих ещё выдержит наш баркас? – крикнул Грушин и не дожидаясь ответа приказал. – Лагутин и Куликов, забирайте их скорее!

Последние слова Ильи потонули в новой серии взрывов.

Саша, Василий и Шумилов, зачерпывая воду сапогами, бросились к девушке. Вчетвером они подхватили носилки и потащили к качавшемуся на волнах плоту, который сразу осел от нового веса.

– Там ещё люди, – плача повторяла девушка.

– Не поместится больше, утонем, – крикнул Илья, – заводи, Коля!

Новая серия взрывов сотрясла берег. Совсем рядом с плотом закипела вода, несколько лодок и плотов перевернулись. Лагутин, заводивший мотор, вдруг издал страшный клекочущий звук. Горло его было рассечено осколком от мины. Он обмяк и молча свалился в воду.

Девушка как-то по-детски ойкнула, села на зад и схватилась за руку, в которой тоже торчал небольшой осколок.

Зарычал мотор, выбрасывая из-под кормы плота белые бурунчики воды. Но просто так уйти не получалось. Десятки рук вцепились в края плота, который тут же стал уходить пот воду.

– Не можем взять, потонем все! – кричал Шумилов.

Плот стал заваливаться на бок, грозя опрокинуться, и тогда Илья упал на колени и заколотил кулаками по впившимся в края плота рукам.

Флотилия из утлых судёнышек, плотов, лодок, бортов машин, отходила от берега херсонской бухты. Оставшиеся простреливаем на берегу люди были обречены на плен или гибель. Лишь немногим удалось прорваться и уйти в горы.

Плот Грушина, надсадно гудя мотором, медленно шел по направлению к Новороссийску. Илья осматривал своих новых товарищей. Василий Куликов, двое морпехов – Николай Свист и Иван Шумилов, а также двое раненых бойцов и девушка санитарка. Её, к счастью, задело не сильно. Рану в левом запястье она сама обработала и перевязала.

– Как звать-то, товарищ доктор? – спросил Грушин девушку.

Он зачерпнул воды и наконец смыл с лица грязь.

– Дарья Земцова, санитарка восьмого полкового медицинского пункта, – отозвалась девушка, – разбомбили нас, мы сколько смогли, эвакуировали раненых на берег, а нас бросили.

Дарья закусила губу. Крупные слёзы показались в её карих глазах. На вид ей было не больше двадцати. Короткая стрижка, гимнастерка и галифе делали её похожей на парня, а вздёрнутый носик с россыпью веснушек придавали её лицу наивное-детское выражение.

– Да, динамо нам знатно начальнички наши прокрутили, – сказал Свист, – думаю, потом разберутся. Только вот людей уже не вернуть будет. Да, не вернуть...

Илья склонился над ранеными:

– Как вы, братки?

– Живы будем не помрём, – бодрясь отозвался солдат с перебитыми ногами, – я Лапиков Миша. С тридцатой батареей мы с Костей.

Костя, его товарищ, голова которого была перемотана так, что оставались только узкие щели для рта и носа, молча лежал, тяжело дыша.

– Слышал про вас, как ваша братва орудия на батарее изношенные на новые почти вручную поменяла. Геройские вы парни!

– Было дело, – не стал ломаться Миша, – да, орудия по пятьдесят тон, и менять их надо было, по уму за три месяца с краном семидесятипятитонным... – он поудобнее устроился и завершил рассказ, – а мы за две недели всё сделали, домкратами и артелью, как бурлаки. И под носом у немца.

Миша, преодолевая боль, засмеялся:

– Нам бы добраться до берега, мы ещё повоюем с Костяном.

– Доберёмся, – успокоил его Илья, – скоро Новороссий..

– Воздух! – громко крикнул Шумилов, сидевший у руля.

Все как по команде подняли головы. Со стороны полуострова к ним стремительно приближалась тёмная точка.

– Господи, хоть бы наш, хоть бы наш, – твердила Дарья, приложив кулачки к губам. В её карих глазах застыл ужас.

Но самолёт был немецким. Не то отставший он своего звена, не то потерявший его в бою, Ю-87 стремительно снижался к цели.

– Лаптёжник, сука! – заорал Свист, хватая винтовку.

– Съездили в Новороссийск! – горько прошептал Грушин, доставая автомат. – Ваня, рули по кривой линии, авось промажет, гад!

Плот медленно пошел зигзагами, а «Юнкерс» продолжал снижаться. Были уже отчётливо видны кресты на крыльях, радиатор, похожий на открытую хищную пасть, и шасси, напоминавшие лапы птицы.

Раздалось несколько выстрелов из «мосинки». Будто в ответ, враг дал длинную пулемётную очередь, прошившую воду рядом с плотом, и стал разворачиваться для второго захода.

– У него бомбы, видать, кончились, – закричал Грушин, – жми, Ваня!

«Юнкерс», видимо истративший бомбовую нагрузку, снова приближался.

Новая очередь из пулемётов пришлась прямо в середину плота. Коля Свист, пошатнувшись и заливаясь кровью, выронив винтовку и рухнул в воду. Оба раненых бойца погибли почти мгновенно изрешеченные и разорванные пулями. Дарья, упав на колени, как ребёнок, закрыв ладошками лицо, кричала. Грушин стрелял из ППШ, но «Юнкерс» был гораздо выше трёхсот метров.

Мотор, добытый с таким трудом, задымил и заглох, разбитый пулями. Плот закрутило на одном месте.

– Всё, приехали! – хрипло сказал Шумилов, видя, как «лаптёжник» заходит ещё на один круг. – Щас он нас кончит, падла! Прощайте, товарищи!

Глава третья

Но судьба смиростивилась к троим, оставшимся в живых. «Юнкерс» сделал ещё одно снижение. Илья отчётливо увидел улыбающееся лицо лётчика. Расправы не последовало. Не то у немца кончились патроны, не то подходило к концу топливо, и он опасался не дотянуть до аэродрома. Самолёт стал удаляться и вскоре затерялся среди облаков.

– Сука-аа! – вслед ему в бессильной ярости прокричал Илья, дав очередь.

– Побереги патроны, – отозвался Иван.

Дарья приложила ухо к груди перевязанных бойцов.

– Убили, – всхлипывая сказала она, – не дышат.

– И Свиста, дружка моего убили, – вздохнул Иван. – Эх, Коля, Коля... Что я жене твоей скажу...

Разбитый мотор тихо дымил. Грушин схватил доску и попытался грести.

– Бесполезно, Илюха, – сказал Шумилов, – не выгребем. Сейчас нас будет сносить течением к берегу. А там немцы. В Феодосии немцы, в Коктебеле, в Ялте, в Алуште...

Дарья выпрямилась и вытерла слёзы.

– Ребята, очень вас прошу. Если наткнёмся на фашистов, застрелите меня. Я видела, что они с нашими пленными девушками творили.

Иван попытался успокоить её:

– Ты, Дашка, раньше времени не паникуй, может удасться к своим пробраться...

Но Дарья сердито упрямо перебила его:

– Нет, дайте слово, ребята!

Вздёрнутый её носик стал ещё острее, а веснушки, казалось, зацвели ещё ярче.

– Ну даём, даём, – неохотно и вразнобой отозвались Иван и Илья.

Плот мерно покачивался на зеленоватых волнах. Солнце начинало постепенно немилосердно жечь.

– Погибших бы надо похоронить, – вздохнул Шумилов.

– Как? – удивилась Даша.

– Ну как в море хоронят, маленькая что ли, – буркнул Иван.

Илья обыскал карманы убитых, но ничего, кроме полупустого кисета и обрывка газеты «Красный Севастополь», не нашел.

Шумилов деловито стащил с ноги погибшего сапог и сняв свой рваный ботинок, примерил.

– Как раз, – спокойно сказал он и принялся снимать второй.

Даша скривила губы и отвернулась.

– Вот только не надо из меня мародёра делать, – сердито сказал Шумилов. – Мёртвым сапоги ни к чему. Парни своё отмучились... А у меня боты драные. Помогай, Илюха.

Вдвоём с Ильёй они открутили ставшим бесполезный мотор, привязали к нему убитых и столкнули в воду.

– Прощайте, мужики, – глухо сказал Грушин, – если получится, отомстим за вас.

Солнце продолжало немилосердно жечь. Соорудив из нескольких досок и тряпья навес, все трое укрылись за ним. Так прошел почти весь день.

Илья достал стеклянную флягу с тёплой водой.

– Литра два осталось. Надо экономить.

Какое-то время все молчали, слушая убаюкивающий шелест волн.

– Интересно, сколько ещё война продлится, – задумчиво спросила Даша, теребя бинт.

Грушин достал было кисет с табаком, но он оказался насквозь промокшим. Огорчённо плюнув, он разложил сырой табак на краю плота.

– Думаю, не скоро, – сказал Илья, – наверно полгода ещё провоюем.

– Такая уж у нас, русских людей порода... медлительная, – хмыкнул Шумилов, – пока раскочегаримся, пока соберёмся с духом... Ну и дури с бардаком, как всегда, хватает... Я уже почти год как воюю, и, верите нет, у нас в роте по первому времени были такие, кто говорил: «Да вы что, это же немецкие рабочие, которых капиталисты заставили воевать с нами. Они скоро одумаются и свои штыки против них повернут», – Иван саркастически хмыкнул, блеснув на солнце своим лбом, напоминавшим огромный бильярдный шар. – Повернули, мать их...

День уже клонился к вечеру, когда на горизонте показалась полоска берега.

– Как там в «Острове сокровищ» пираты кричали: «Земля», – криво улыбнулся Иван.

– Им легче было, – отозвался Илья.

– Куда нас принесло, – тревожно спросила Даша, вглядываясь в приближающуюся землю.

– Знать бы, – отозвался Иван, – на берегу вроде нет никого, и то хорошо.

Когда до берега осталось совсем немного, они спрыгнули в тёплую воду, забрав с плота мешки и оружие.

Берег оказался с небольшой бухтой, окруженной холмами, поросшими редкими соснами.

– Братцы, думаю, зря мы плот бросили, – озабоченно сказал Иван, – может пригодится ещё отчалить.

Они оставили вещи на берегу и, подогнав плот к бухте, вытащили его на сушу.

Стало стремительно темнеть.

– Ну что будем делать, товарищи? – спросила Даша, оглядываясь по сторонам.

– Что делать... думаю, для начала нужно подкрепиться, а потом разведать, куда мы попали и далеко ли немцы, – отозвался Грушин, ставая из мешка банку тушенки и пачку сухарей.

Иван тоже покопался в своём сидоре и вытащил плитку растаявшего немецкого шоколада, несколько яблок и флягу, на дне которой плескались остатки водки.

– А у меня ничего, – покраснела Даша, – всё в госпитале осталось, когда бомбёжка началась.

– Угощаем, – улыбнулся Иван, протягивая друзьям флягу, – по глотку. За ребят погибших.

Тёплая водка была настолько противной, что Илья закашлялся и покраснел, спешно нюхая разрезанное яблоко. Но лёгкий всполох сначала в желудке, а потом в голове сделал своё дело.

Он встал и осмотрелся, заметив в подошве склона небольшую расщелину.

– Оставайтесь тут, а я слажу, гляну что да как.

– Не годится, Илья, – не согласился Шумилов, – а если тебя словят? Ты и сигнал не подашь... Айда вдвоём.

– А я? – по-детски захныкала Дарья, – страшно одной.

– Тьфу ты, – плюнул Илья, – под обстрелами не страшно было? Ладно, пошли с нами. Может быть удастся дом какой для ночлега найти или ещё что...

Стало совсем темно. Где-то на горизонте, в море, мелькнули быстрые огни, но берег был по-прежнему мрачным и безжизненным. Маленький отряд Ильи Грушина, крадучись и оглядываясь, медленно поднимался по склону.

– Дорога какая-то, – тихо сказал Иван, когда они оказались на вершине пригорка.

Через полчаса дорога привела их к какой-то деревеньке. Тщательно её обследовав и не найдя присутствия немцев, друзья решили постучать в крайний домик.

Внимание Грушина привлёк предмет, похожий на большую тарелку радиорепродуктора, только белого цвета.

– Радиоточка действует, – спросил он больше сам себя.

– Сейчас проверим, – отозвался Иван и постучал в окно.

Свет в доме загорелся, и в окно выглянул сонный мужик лет сорока.

– Вам чого трэба? – открыв ставни, сердито спросил он по-украински.

– Товарищ, мы свои, советские, из Севастополя, – как можно более спокойно и официально сказал Илья, одёргивая гимнастёрку, – скажите, немцы далеко отсюда? И где мы вообще находимся?

– Що? – подозрительно спросил хозяин осматривая гостей. – Радянськи?

Голос его изменился.

– Ах радянськи? – переспросил он удовлетворенно-ласково.

В его голосе почувствовалась неприкрытая угроза.

Он резко захлопнул окно и задёрнул штору.

– Алло! Полиция! – услышали друзья сквозь закрытое окно. – Тут до нас черврони бандити прийшли. Терминово прижджайте!

– Бежим! – крикнул Грушин, стремительно перепрыгивая через палисадник.

Все трое выскочили на дорогу и понеслись по ней обратно к своему прибежищу. Через десять минут где-то совсем недалеко от них раздался шум машин и выстрелы.

– Тикай под гору, – крикнул Илья и первым, свернув с дороги, кувычком покатился по склону.

За ним нырнули Иван и Даша, причём Шумилов, как заправский каскадёр, ловко сгруппировался «колобком» и достиг берега первым.

Втроем они втиснулись в расщелину и замерли, приготовившись дать свой последний бой.

Но погони не последовало. Возможно, полицаи не увидели, где беглецы свернули, а возможно просто не захотели лазать впотьмах, боясь напороться на засаду.

– Вроде тихо, – прошептал Илья.

– Получается, что в деревне эти... как их... бандеровцы? – спросил Шумилов. – И смотри ты, вроде захолустье какое, а телефон в избе, будто в клубе... Чудеса...

– Можете мне не верить, – тихо сказала Дарья, но либо я сумасшедшая, либо этот, к которому мы постучали.

– Почему? – хором спросили Иван и Илья.

– Он штору неплотно закрыл. Я видела, что он не по телефону, а в кулак свой говорил.

– А как же тогда он до полицаев дозвонился? – удивился Илья.

– Я почём знаю, – сердито прошептала Дарья.

Они подождали ещё минут десять, и Грушин первый высунул голову из укрытия.

Неожиданно прямо в лицо ему упёрся круглый ствол пистолета.

– Руки! Выходить по одному!

Глава четвёртая

– Приехали, – пробормотал Грушин, первым выбираясь из их укрытия. Следом выполз Иван Шумилов, а последней Дарья.

В лицо ударил белый луч фонаря, ослепляя всех троих.

Илья, щурясь, рассмотрел силуэты пятерых человек с оружием.

– Кто такие? Откуда? – строго спросил стоявший ближе всех к ним парень не то с автоматом, не то с винтовкой в руках.

– С Севастополя, – буркнул Грушин, вспомнив, что не выполнили обещание, которое они дали Дарье.

Голос стал ещё более подозрительным.

– С Севастополя? Шпионы что ли? Или подпольщики? Пацаны, общите их.

Несколько человек подошли к ним, бесцеремонно вывернули карманы и забрали мешки из расщелины.

– Ничего не понимаю, – пробормотал голос, – музей что ли грабнули? У вас может и пулемёт «Максим» есть?

Грушин молчал, тоже не понимая, что от них хотят. Голос решительно сказал:

– Забираем их с собой, ребята. На базе выясним, что это за фрукты ряженные. Свяжите им, хлопцы, руки, чтобы не удрали.

Илье хотелось всё рассказать, кто они и откуда, но его одолевали сомнения. Кто эти люди? Может быть местные отряды самообороны, которые ловят красноармейцев и передают немцам...

К ним подошел здоровенный мужик, лица которого Илья не рассмотрел и ловко связал каждому из них руки за спиной общей верёвкой.

– Айда, скованные одной цепью, – хмыкнул он, – и не вздумайте орать. Глотку перережу мигом.

Вся процессия молча зашагала по берегу моря. Берег вскоре кончился и все вошли в воду. Сначала по щиколотку, потом по колено, а потом и по пояс. Впереди высились серыми глыбами огромные скалы. Вскоре они как бы расступились, образуя пещеру, уходящую наверх, значительно выше уровня воды. А между тем уже стремительно светало. Небо розовело, освещая верхушки сосен на скалах.

«Штабом» оказалась большая пещера, спрятанная в скалах так удачно, что с берега её не было видно. Пещера походила на зал, поделённый множеством перегородок. У стен стояли какие-то шкафы с документами и книгами. Пленников завели в пустую комнату и включили свет. Тут они, наконец, смогли разглядеть своих конвоиров: половина из них была в тельняшках, несколько в странных синих пиджаках с железными пуговицами, почти у всех на ремнях оружия или в петлицах одежды были видны ленточки, на каких в царской России носили георгиевские кресты. И оружие! Илья и Иван никогда не видели такого. С полукруглым рожком и странным отвлечением от ствола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.